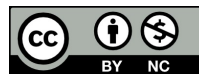

УДК 811.512.212

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-6-25>*Оригинальная научная статья*

Языковой сдвиг: заимствование русских союзов в эвенкийской речи

*Л. Гренобль*¹ , *Л. А. Игнатенко*² ¹Чикагский университет, Чикаго, США²Амурский государственный университет,

Благовещенск, Российская Федерация

 grenoble@uchicago.edu

Аннотация

Статья посвящена анализу заимствования русских союзов в спонтанной эвенкийской речи как проявлению языкового сдвига под влиянием доминирующего языка. Целью исследования является выявление закономерности употребления русских союзов *и*, *а*, *или*, а также оценка их влияния на синтаксис эвенкийского языка. Материалы были собраны в рамках экспедиций в промышленные районы республики в 2022–2023 гг. и представляют собой записи устной речи носителей восточного наречия, проживающих в селе Иенгра, Республики Саха (Якутия). Иенгринский эвенкийский национальный наслег является единственным из мест компактного проживания эвенков в регионе, где эвенкийский язык продолжает функционировать в сфере повседневного общения, однако здесь отмечается устойчивое русско-эвенкийское двуязычие. Полученные данные демонстрируют, что проникновение русских союзов в речь эвенков-билингвов носит не случайный, а систематический характер. Оно сопровождается замещением традиционных эвенкийских средств координации, что приводит к частичному изменению базового порядка слов. Эти трансформации демонстрируют изменение баланса языковой доминантности, под которой понимается не только количественное преобладание русского языка в повседневной коммуникации, но и его структурное воздействие на внутренние механизмы эвенкийской грамматики. Результаты исследования подчеркивают сложный характер синтаксической интерференции в условиях двуязычия и подтверждают, что заимствование дискурсивных маркеров, таких как союзы, является важным индикатором языкового сдвига. Перспективы исследования включают дальнейший детальный анализ роли каждого из заимствованных союзов и изучение влияния русской синтаксической модели на другие компоненты эвенкийского языка.

© Гренобль Л., Игнатенко Л. А., 2025

Ключевые слова: лингвистическая экология, языки малочисленных народов, эвенкийский язык, билингвизм, языковые контакты, языковой сдвиг, синтаксическая интерференция, заимствование дискурсивных маркеров, служебные слова, смешение кодов

Благодарности. Авторы выражают благодарность Н.Я. Булатовой, Т.Е. Андреевой и Т.Ф. Александровой за оказанную консультативную помощь и поддержку в подготовке статьи

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Гренобль Л., Игнатенко Л.А. Языковой сдвиг: заимствование русских союзов в эвенкийской речи. *Арктика XXI век*. 2025;(4):6–25. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-6-25>

Original article

Language shift: borrowing of Russian conjunctions in Evenki

Lenore Grenoble¹ , Lyarido A. Ignatenko²

¹University of Chicago, Chicago, USA

²Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

 grenoble@uchicago.edu

Abstract

This paper analyzes of borrowing of Russian conjunctions in Evenki speech, as a manifestation of ongoing language shift under the influence of the dominant language. The aim of the study is to identify patterns in the use of the Russian conjunctions *i* ('and'), *a* ('but'), *ili* ('or') and to assess their impact on Evenki syntax. The data come from recordings of oral speech of speakers of the Eastern dialect living in the village of Iengra, Republic of Sakha (Yakutia). The Iengrinskii Evenki National Nasleg (the smallest administrative unit in Yakutia) is the only place in the region where the Evenki language functions in daily informal settings; however, Russian has already become the language of primary communication here. Our research demonstrates that the Russian conjunctions are systematically used in Evenki, replacing the traditional means of coordination and partially changing basic word order. These changes are indicative of an overall shift in the balance of language dominance. The results underscore the complicated nature of syntactic influence in bilingual contexts and highlight that the borrowing of functional words, like conjunctions, can be an indication of language shift. Our study provides a detailed analysis of the role of each of the borrowed conjunctions and of the influence of Russian syntax on other components of Evenki.

Keywords: linguistic ecology, minority languages, Evenki, bilingualism, language contact, language shift, syntactic interference, discourse markers borrowing, function words, code-mixing

Acknowledgments. The authors express gratitude to N.Ya. Bulatova, T.E. Andreeva, T.F. Aleksandrova for their advisory assistance and support

Funding. Research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Grenoble L., Ignatenko L.A. Language shift: Borrowing of Russian Conjunctions in Evenki. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):6–25 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-6-25>

Введение

Проблемы языкового многообразия занимают доминирующее положение в исследованиях лингвистов [1]. Языковое разнообразие современного мира находится под угрозой: многие из примерно 7000 существующих языков к концу XXI века могут исчезнуть. Проблема сохранения и развития языков коренных народов получила международное признание: в 2022 году ЮНЕСКО провозгласила период 2022–2032 гг. Декадой языков коренных народов, что отражает растущую обеспокоенность процессами утраты языков. Данная проблема особенно актуальна для России, где языки многих коренных малочисленных народов находятся под угрозой исчезновения.

Происходит стремительный языковой сдвиг – носители чаще переходят на русский язык, а их родной язык перестает передаваться детям. Как показывает практика, языковой сдвиг может происходить чрезвычайно быстро – в течение двух-трех поколений. Однако исчезновению языка обычно предшествуют определенные изменения, которые могут служить индикаторами критического состояния языковой системы. Своевременное выявление этих признаков позволяет не только диагностировать угрозу, но и предпринять меры по ее предотвращению.

Современные исследования подтверждают комплексный характер языковых изменений. Заимствования в ситуациях языкового контакта – распространенное явление [2; 3]. Контакт языков чаще всего влечет структурные изменения: в таких условиях язык либо значительно трансформируется, либо ограничивается небольшими изменениями в лексике, фонетике или грамматике, не нарушая взаимопонимания. Исключений немного, и они обычно встречаются в тех контекстах, где социальные

условия разделяют языки. Однако и в таких случаях мы часто наблюдаем структурные изменения, где даже при сохранении лексики, происходит структурная конвергенция, как, например, в языках Амазонии [4].

Заимствования обычно делятся на две категории: перенос языкового материала, называемый заимствованием по материалу (*MAT borrowing*) [5; 6], и калькирование, перенос грамматики без языкового материала (заимствование по образцу или *PAT borrowing*). Ф. Гардани дает обзор терминологии и обсуждает различия и последствия заимствования морфологии [7]; Т. Кутева [8] рассматривает грамматические процессы. Я. Матрас уделяет особое внимание иерархиям заимствований: «Когда мы говорим о «легкости» заимствования, мы, по крайней мере неявно, имеем в виду коммуникативное поведение носителей языка в условиях двуязычия и изменения в этом поведении, которые оказывают продолжительное влияние на структуру используемого ими языка. В этой связи нас интересует вероятность того, что в отношении конкретной структуры, выполняющей определенную функцию в обработке языка, носители языка могут отказаться от разграничения двух подсистем в своем языковом репертуаре – двух «языков» – и начать использовать данную структуру независимо от выбора языка» [9, с. 31].

Союзы и соединительные элементы, согласно Я. Матрасу, являются грамматической категорией, наиболее подверженной заимствованию [9, с. 54]. Ни один язык не заимствует союз ‘и’ без параллельного заимствования союзов ‘а’ и ‘или’. Эта закономерность подтверждена на материале множества языков, находившихся в контакте с итальянским [10] и в исследовании [11] на примере цыганского языка (Romani). Эвенкийский язык демонстрирует то же: заимствование русского союза *и* сопровождается проникновением союзов *а* и *или*, что соответствует универсальной тенденции иерархического распространения заимствований.

При этом Я. Матрас подчеркивает, что заимствование союзов не ограничивается механическим перенесением форм, но отражает прагматические процессы, происходящие в коммуникации. Заимствование союзов связано с тем, что говорящие используют лингвистический репертуар, доступных им в условиях двуязычия.

Языковые границы, по мнению Я. Матраса, не являются четкими, а подвижны и могут быть переработаны носителями языков (*users' creativity*). Каждое структурное изменение начинается как локальная инновация, возникающая в реальной языковой практике. Следовательно, для понимания диахронических изменений необходимо учитывать индивидуальные коммуникативные мотивации говорящих и задачи, которые они решают в процессе общения.

Подобные процессы наблюдаются и в эвенкийском языке. В настоящем исследовании рассматривается ситуация эвенков, проживающих в селе Иенгра, Республики Саха (Якутия)¹. Изменения в грамматике и синтаксисе эвенкийского языка были зафиксированы и описаны Л. Гренобль и Н.Я. Булатовой в конце XX века [13], однако в настоящее время наблюдается более выраженная интеграция русских союзов в речь.

Цель настоящей работы – проанализировать случаи употребления русских союзов на материале речи эвенков Иенгры, выявить изменения в синтаксисе и грамматике, а также обсудить возможные причины и последствия этих изменений.

Репрезентативна ситуация с заимствованием союзов, которые не только замещают эвенкийские конструкции, но и способствуют изменению синтаксической структуры предложения. Нами рассмотрены заимствованные русские союзы *и*, *а*, *или* в эвенкийской речи. При этом заимствованные союзы остаются неизменными, не адаптируясь к морфологическим и фонетическим правилам эвенкийского языка, что может объясняться их однофонемной структурой.

Грамматика эвенкийского языка

Для анализа изменений в синтаксических конструкциях эвенкийского языка необходимо опираться на общие принципы его грамматики. Полное грамматическое описание стоит за пределами данной работы, и его можно найти в других источниках [14; 15; 16; 17 и др.]. В данном разделе приводится лишь краткий обзор тех лингвистических признаков, которые имеют отношение к текущему анализу заимствований.

Эвенкийский язык относится к северной подгруппе тунгусо-манчжурских языков алтайской языковой семьи и как все языки этой семьи является агглютинативным. Основным способом выражения грамматических и словообразовательных значений является аффиксация, преимущественно суффиксация, определяющая морфологическую специфику языка. Помимо суффиксов, дополнительные способы – это суффиксальные частицы, служебные слова и удвоение основ.

В эвенкийском языке границы слова определяются основой и словоизменительной частью слова, которая может быть представлена одним или несколькими суффиксами [18].

Суффикс совместного падежа *-нун* [-nun], выражает функцию совместного действия обозначая участника, который совершает действие или находится в определенном состоянии совместно с другим лицом.

¹ Е.Л. Рудницкая [12] описывает недавние изменения в других говорах эвенкийского языка, однако говор с. Иенгра в ее исследовании не рассматривается.

(1) *Нуһан омонгинунми гиркилэдерэн* ‘Он дружит с моим сыном’.

(2) *Нуһан маталнунми доровалдычан* ‘Он поздоровался с гостями’ [19, с. 209].

А.В. Романова и А.Н. Мыреева [14] так же выделяют суффикс *-гали*, как форму совместного падежа. Однако Б.В. Болдырев считает, что суффикс *-гали* к числу падежных не относится, а является морфологическим вариантом суффиксов обладания. Независимо от его грамматического статуса, мы видим в примерах (3) и (4), что суффикс *-гали* соединяет два имени существительных, и таким образом относится к средству грамматического соединения.

(3) *Куһакар книгагали школала нэнэдерэ* ‘дети с книгами идут в школу’.

(4) *Бэе һинакингали дюда ирэн* ‘человек с собакой вошел в дом’ [19, с. 214].

Частицы в эвенкийском языке представлены служебными словами и суффиксами, выражающими дополнительные оттенки значения отдельных слов, словосочетаний или предложений. В своем обычном употреблении они не могут быть членами предложения, во всех случаях их употребления частицы постпозитивны по отношению к слову, с которым они взаимодействуют, образуя с ним единое лексическое целое.

Так частица *-да(-та)* выражает функцию соединения равноправных синтаксических единств, по значению может соответствовать русским частицам *тоже, также*.

(5) *Костя аминин, энинин-дэ эчэтын сарэ нуһан индериwэн, авгара́т тадук сэwдэпчут-тэ бидериwэн* ‘папа и мама Кости не знали, что он жив, здоров и даже весел’ [Там же, с. 847–848].

Частица *-ка* относится к числу эмфатических. Употребляется для усиления подчеркивания значения слова, после которого ставится, а также для усиления смыслового содержания высказывания, которое может быть утвердительным, вопросительным, побудительным и пр.

(6) *Нуһан алатчэча, нуһартын эмэмэлчэдэтын, нуһартын-ка хата эчэтын эмэдерэ* ‘она хотела, чтобы они поскорее пришли, а они все не шли’.

(7) *Бу-кэ сомамат нэлэлчэwун!* ‘а мы-то страху натерпелись’ [Там же, с. 868].

К союзам относятся служебные слова, функция которых заключается в выражении синтаксических отношений между однородными членами предложения, между частями сложносочиненного предложения, а также между целыми предложениями, которые разграничиваются или противопоставляются, и связи между придаточным и главным

предложениями. По морфологической структуре они могут быть простыми и составными *тадук* ‘и’, *тарит* ‘и (потому), вот (поэтому)’, *тэли* ‘и (тогда), то (тогда)’, *туги* ‘(с тем) и’.

Соединительный союз *тадук* ‘и’ по происхождению является от-наречным: *тадук* ‘потом, затем’. Употребляется для связи однородных членов предложения или целых предложений. При употреблении с глагольными словами обычно указывает на следование одного действия за другим [Там же, с. 885].

Социолингвистическая справка

Село Иенгра (Иенгринский эвенкийский национальный наслег) расположено на юге Республики Саха (Якутия) в Нерюнгринском районе. Основание села относят к 1926 году, когда после укрепления колхоза сюда съехались эвенки, ранее кочевавшие на прилегающих территориях. В селе проживают потомки ряда древних эвенкийских родов: Буллет, Нюрмаган, Сологон, Пуягир, Бута, Доной, Кэптукэ, Букачар, Дэнмэ, Лоңорки, Баттаки, Эмис, Нанаи. Основными видами традиционной хозяйственной деятельности для местного населения остаются оленеводство и охота [20].

По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, численность населения села составляет 1036 человек. Среди местных эвенков доля владеющих эвенкийским языком достигает 80,95 %. При этом наблюдается тревожная тенденция: чем моложе возрастная группа, тем ниже в ней уровень языковой компетенции. Эта динамика свидетельствует о протекающем в сообществе языковом сдвиге и указывает на уязвимое положение эвенкийского языка [21].

Правовой статус и государственная поддержка языка определяются Законом Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)»². Согласно данному закону, языки коренных малочисленных народов республики признаются официальными в местах их компактного проживания [22]. В связи с этим эвенкийский язык обладает официальным статусом в селе Иенгра. В рамках реализации положений данного закона обеспечивается организация языкового образования, а также дублирование вывесок и указателей бюджетных учреждений на эвенкийском языке наряду с якутским и русским.

Эвенкийский язык и культура преподаются в образовательных учреждениях села – детском саду, средней школе-интернате и музыкальной школе. В селе функционирует этнокультурный центр «Эян», деятельность которого направлена на сохранение и развитие языка и

² Закон РС (Я) N 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)».

культуры. На его базе действуют клубные объединения различной направленности, которые обеспечивают преемственность традиций и способствуют включению детей и молодежи в традиционную культуру [23].

Школьное обучение ведется на русском языке, а эвенкийский долгое время преподавался на основе литературного стандарта, созданного на базе полигусовского говора эвенков Красноярского края (южное наречие). Это стало одной из причин затрудненного освоения языка школьниками, для которых родным является восточное наречие [Там же]. Однако в последние годы ситуация меняется: при поддержке Министерства образования РС(Я) Якутским филиалом Федерального института родных языков издаются учебные материалы на восточном наречии. Как отмечает ведущий специалист-эксперт института Феня Матвеевна Леханова, инициатива создания таких пособий исходила от старейшин. Впоследствии совместно с педагогами Иенгринской школы и научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН были разработаны, апробированы и изданы учебные пособия по языку и литературе, словари и дополнительные материалы.

Также наблюдается позитивная тренденция к включению эвенкийского языка в мероприятия районного, республиканского и международного уровней, проводимые в с. Иенгра или в г. Нерюнгри (районном центре). Так, в 2018 г. село стало площадкой проведения международного чемпионата Arctic Skills, в 2023 г. – Международного чемпионата по традиционному оленеводству. В 2025 г. республиканский праздник Ысыах Олонхо, проходивший в г. Нерюнгри, был открыт и закрыт постановками на эвенкийском языке, причем перевод и озвучивание осуществлялись жителями Иенгры. Кроме того, в репертуар Республиканского театра кукол включены постановки, основанные на эвенкийских легендах и мифах, с элементами оригинальной речи. Эти факты служат свидетельством расширения функционирования эвенкийского языка.

Иенгринский говор

Иенгринский говор относится к восточному (сибилянтно-спиратному) наречию. На сегодняшний день его описание остается неполным, в литературе он упоминается как тимптонский [15, с. 10], также его можно соотнести с чульманско-гилюйским [24, с. 230]. Дополнительную сложность для лингвистического описания создает внутренняя неоднородность, поскольку здесь сохраняется родовое деление, отражающее фонетические и лексические особенности говора родовой группы. Сами жители хорошо различают эти говоры и могут определить происхождение собеседника.

В начале XX века языковая ситуация в селе формировалась в условиях контакта с якутским языком. О чем свидетельствуют тексты интервью [ПМА], а также ряд заимствований из якутского языка: *комуй-ми* ‘собираться’, *эдэр* ‘молодой’, *кэргэн* ‘семья’ и др. В настоящее время для жителей характерно русско-эвенкийское двуязычие, отражающее историко-демографические процессы, происходившие в Нерюнгринском районе.

В условиях стремительно меняющегося мира новые реалии часто фиксируются в языке в русской форме, но при этом подчиняются эвенкийской морфологии и нередко фонетике: *вертолетыт* ‘на вертолете’, *докуменвар* ‘документы’, *сэмэлотылди* ‘на самолете’ и др.

По данным исследований языковой витальности, проведенных экспертами Института языкознания РАН, Иенгра отмечена как одно из поселений с наиболее благоприятной ситуацией, где, несмотря на проявления языкового сдвига, эвенкийский язык продолжает функционировать как средство межпоколенческого общения; он используется представителями старшего и частично среднего поколения, а в ряде семей продолжает передаваться детям [25].

Материалы и методы

Материалом для исследования служат устные рассказы, записанные в с. Иенгра в 2022–2023 гг. В анализ вошли фрагменты речи респондентов женского пола в возрасте от 65 до 86 лет (7 человек) с высоким уровнем владения эвенкийского языка (является для них первым усвоенным языком). Использованы расшифровки эксперимента по пересказу мультфильма и устные рассказы в свободной форме.

В собранных данных мы наблюдаем систематическое заимствование русских служебных слов, прежде всего союзов *а* и *и*. Эти элементы в эвенкийском, как правило, отсутствуют или имеют функциональные эквиваленты.

Результаты и обсуждение

Наиболее распространенным является заимствование союза *и*, выполняющего несколько функций, таких как соединение однородных членов в примерах³ (8-9), а также координацию целых клауз в (10) и (11).

³ Глоссы соответствуют Лейпцигским правилам глоссирования (<https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>). Все глоссы, используемые в данной статье, можно найти в списке Сокращений в конце статьи.

- (8) Коңнорин **и** токи куиденэл мостадук
 Коңnorin-Ø **i^{rus}** toki-Ø kui-dʒe-ne-l mosta-duk
 bear-NOM and moose-NOM fight-IPFV-CVB.SIM-PL bridge-ABL
 бирала тыктэ
 bira-la tik-te-Ø
 river-LOC fall-AOR-PL
 ‘Медведь и лось дрались и упали с моста в реку.’
- (9) Туксаки **и** енот бакалдыра мостаду
 Tuksaki-Ø **i^{rus}** enot-Ø bakaldi-ra-Ø mosta-du
 rabbit-NOM and raccoon-NOM meet-AOR-PL bridge-DAT
 ‘Заяц и енот встретились на мосту.’
- (10) Эвэнкил Иеннэдук агиду эрэргэр бидевкил,
 Eʒenki-l Ieŋne-duk agi-du ereger bi-dʒe-βki-l
 Evenki-PL Iengra-ABL forest-DAT always be-IPFV-PTCP.HAB-PL
 агива эрэргэр аявдевкил **и** савкил
 agi-βa ereger ayaβ-dʒe-βki-l **i^{rus}** sa-βki-l
 forest-ACC always love-IPFV- PTCP.HAB-PL and know- PTCP.HAB-PL
 кэтэ улгурилва
 kete ulgur-i-l-βa
 many story-IF-PL-ACC
 ‘Эвенки из Иенгры всегда живут в лесу, всегда любят лес, и знают много рассказов.’
- (11) **И** енот муннуканун бира дулиндун
I^{rus} enot-Ø munnuka-pun bira-Ø dulin-du-n
And raccoon-NOM rabbit-COM river-NOM middle-DAT-3SG
 бакалдыча
 bakaldi-ča-Ø
 meet-PST-PL
 ‘И енот с зайцем встретились в середине реки.’

В традиционной морфологии подобные отношения выражаются либо аффиксом совместного падежа *-нун*, либо частицей *-да*, особенно при соединении подлежащих. Однако в данных примерах союз *и* последовательно замещает эти внутренние средства координации. В ряде

высказываний (9–10) фиксируется также изменение базового порядка слов с SOV на SVO, что, вероятно, отражает влияние русского как структурно доминирующего языка.

Союз *a*, напротив, функционирует преимущественно как маркер противопоставления примеры (12–13).

- (12) Енот тыкулыha уивэ мостанивэ гурэрэн
 Enot-Ø tikul-i-ha ui-βe mosta-ni-βe gure-re-n
 raccoon-NOMbe.angry-IF-CVB.ANT rope-ACC bridge-POSS-ACC untie-AOR-3SG
a туксаки нян тыкулча уивэ кигдикаран.
a^{rus} tuksaki-Ø jan tikul-ča-Ø ui-βe kigdžika-ra-n.
 and rabbit-NOM also be.angry-PST-3SG rope-ACC chomp-AOR-3SG
 ‘Рассердившись, енот развязал веревку моста, а заяц тоже рассердился, перегрыз веревку.’

- (13) Только эдындерэн, **a** сунду, наверное
 Tol’ko^{ru} edyn-dže-re-n **a^{rus}** sun-du naverno^{rus}
 Only-NOM wind-IPFV-AOR-3SG and 2PL-DAT probably
 иманналан, ијинилэн.
 imanna-l-a-n iјini-l-e-n
 snow-INCH-IF-3SG frost-INCH-IF-3SG
 ‘Только стало ветрено, а у вас, наверное, пошел снег, похолодало.’

В данных примерах союз *a* занимает позицию, характерную для эвенкийской частицы *-кэ*, которая обычно следует после подлежащего во второй клаузе. Несмотря на замещение служебного элемента, общая структура высказывания остается эвенкийской. Таким образом, в случае *a* мы видим избирательное заимствование, которое не нарушает синтаксис.

Менее частотным, но показательно используемыми являются союзы *или* и *чтоб*, как в примерах (14), (15).

- (14) Алдандук Нагорнайла дурус почтава
 Aldan-duk Nagornaj-la durus^{rus} počta^{rus}-βa
 Aldan-ABL Nargornaj-LOC груз mail-ACC
 дюһучамиһал 27 **или** 6 почтава
 dzuhu-ča-mi-ha-l 27 **ili^{rus}** 6 počta^{rus}-βa
 carry-STAT-EVAL-PTCP.ANT-PL 27 or 6 mail-ACC
 ‘В 27 или 26, они перевозили грузовую почту из Алдана в Нагорный’

- (15) Оттон, би тынэвэ эвэдыт турэтчэллим эчэ
 Otton bi tinebe ebedy-t turet-če-l-li-m eče
 So 1SG yesterday Evenki-INS speak-IPFV-INCH-PST-1.SG PRT
чтоб тураттатын синун
čtob^{rus} turat-ta-tin si-jun
 in.order.to speak-CVB.PURP-3PL 2SG-COM
 ‘Так, вчера я стала говорить по-эвенкийски, чтобы разговаривали с тобой’

Употребление русского подчинительного союза *чтоб* в (15) подчеркивает сильное влияние русского языка. Во-первых, деепричастие цели (*тураттатын*) само по себе передает значение цели, которое передается в русском языке словом *чтоб(ы)*. Во-вторых, употребление союзов или других слов для связи подчиненного предложения с главным предложением вообще отсутствует в традиционном или литературном эвенкийском языке. В отличие от русского языка, «мысль выражается сложноподчиненным предложением» [16, с. 151–152]. И в-третьих, подчинительные союзы редко заимствуются через контакт с русским языком; скорее заимствована структура (pattern borrowing), а не сам лексический подчинительный союз [26, с. 279].

Оба диалога, где они встречаются, происходят между носителями с высоким уровнем владения языком, предполагаемое «ориентирование на слушателя» здесь не объясняет появления русского элемента. Возможно, при планировании высказывания говорящий сначала формирует русскую структуру, а затем переводит на эвенкийский язык.

Закключение

В целом данные подтверждают, что проникновение русских союзов в эвенкийскую речь не является случайным. Детальная роль каждого из этих заимствованных элементов будет проанализирована и описана в нашей следующей статье.

Ранее подобные изменения отмечались в исследованиях лингвистов, однако в то время они касались преимущественно изменения порядка слов в предложении под влиянием русского языка [13; 27; 28]. В представленном материале, напротив, проявляется более глубокий уровень синтаксической адаптации, затрагивающий не только структуру высказывания, но и средства выражения синтаксических связей.

Заимствование русских союзов в эвенкийском языке – закономерное следствие доминирования русского языка. Понятие “*pragmatically dominant language*” описывает ситуацию, когда язык, на котором говорящий чаще думает или взаимодействует, спонтанно вмешивается в речь

на другом языке. Носители эвенкийского языка демонстрируют аналогичный механизм, все чаще применяя русские синтаксические паттерны в повседневном общении. К этому, вероятно, приводит прагматическая доминантность русского языка в сочетании с когнитивной доступностью его союзов. Подобное смешение кодов, как правило, наблюдается у билингвов с высоким уровнем владения обоими языками, которые свободно переключаются между ними в зависимости от коммуникативной ситуации.

Если ранее употреблялись эвенкийские союзы, такие как *тадук* ‘потом’ для грамматического соединения, то сегодня эту функцию взяли на себя русские союзы. Это соответствует модели Я. Матраса 4-М [29], согласно которой дискурсивные маркеры особенно уязвимы к заимствованию, поскольку активируются на ранней стадии планирования речи.

Интересно, что дети старшего школьного возраста, принимавшие участие в эксперименте, сознательно избегают русских заимствований и русскоязычного порядка слов, рассматривая это как признак недостаточного владения родным языком и испытывая определенный психологический дискомфорт при включении русской лексики в эвенкийскую речь. В то же время представители старшего поколения в Иенгре, напротив, не фиксируют подобных переключений/смешений, воспринимая их как естественные проявления живой речи. В данном случае наблюдается, так называемый «школьный эвенкийский», то есть влияние школьного образования. В контексте языкового сдвига, когда школа становится основным местом освоения языка, это не является редкостью. Различия между «школьным» и «аутентичным» языком обнаруживаются и в других языковых контекстах, например, в баскском или гавайском [30].

Следует подчеркнуть, что эвенкийский и русский языки типологически различны и тем не менее их контакт демонстрирует, что даже при структурной несопоставимости возможна глубокая синтаксическая интерференция.

Таким образом, повседневное использование русского языка среди эвенков села Иенгра оказывает системное воздействие на функционирование эвенкийского языка. В речи носителей прослеживаются процессы упрощения и редукции синтаксических структур, что может интерпретироваться как этап адаптации языка к билингвальной среде.

Сокращения

ПМА – полевые материалы авторов
ABL – отложительный падеж
ACC – винительный падеж
AOR – аорист
COM – совместный падеж
CVB – деепричастие
CVB.PURP – деепричастие цели
CVB.SIM – деепричастие одновременное
EVAL – оценочный
IF – интерфикс (interfix)
INCH – начинательный вид
INS – творительный падеж
IPFV – несовершенный вид
LOC – местный падеж
NOM – именительный падеж
PL – множественное число
PRT – частица
PTCP – причастие
PTCP.HABT – причастие обычного действия
STAT – вид состояния

Литература

1. Биткеева А.Н., Хохолова И.С. Ресурсы этничности в городской идентичности северян. *Арктика XXI век*. 2025;(2):32–47. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-32-47>
2. Thomason S.G., Kaufman T. *Language contact, creolization and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press. 1988 (на англ.).
3. Курилова С.Н. Заимствования в юкагирском языке: якутский словообразовательный аффикс -лаа в речи тундровых юкагиров. *Арктика XXI век*. 2025; 39(1):32–53. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-32-53>
4. Epps P., Michael L. The areal linguistics of Amazonia. *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017:934–963 (на англ.).
5. Matras Y., Sakel J. Introduction. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007:1–3 (на англ.).
6. Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007:15–29 (на англ.).

7. Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview. *Morphology*. 2020;(30):263–282. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09371-5> (на англ.)
8. Kuteva T. Contact and borrowing. *The Cambridge handbook of historical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017:163–186. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107279070.009> (на англ.).
9. Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 2007:31–74. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110199192.31> (на англ.).
10. Stolz T. Re: duplication. Iconic vs. counter-iconic principles (and their areal correlates). *Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas. Convergencies and typological perspectives*. Amsterdam: John Benjamins. 2007 (на англ.).
11. Elšík V., Matras Y. *Grammatical relations in Romani*. Amsterdam: John Benjamins. 2000 (на англ.).
12. Рудницкая Е.Л. *Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века*. Санкт-Петербург: Нестор-История. 2019.
13. Grenoble L.A. Morphosyntactic change: The impact of Russian on Evenki. *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2000;(28):105–120 (на англ.).
14. Романова А.В., Мыреева А.Н. *Очерки токинского и томмотского говоров*. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1962.
15. Булатова Н.Я. *Говоры эвенков Амурской области*. Л.: Наука. 1987.
16. Василевич Г.М. *Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз. 1940.
17. Мыреева А.Н. *Диалектология эвенкийского языка: учеб. пособие*. Якутск: Офсет. 2006.
18. Андреева Т.Е., Захарова Н.Е., Кудрина Л.Е. и др. *Словообразовательный словарь эвенкийского языка. Глагол = Эвды турэн словообразовательный турэрукин. Глагол*. Новосибирск: Наука, Издательство СО РАН. 2018.
19. Болдырев Б.В. *Морфология эвенкийского языка*. Новосибирск: Наука. 2007.
20. Стручков К.Н. Коммуникативная культура эвенков села Иенгра в современных условиях. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2018;4(2):91–98. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_91_98
21. Данилов И.А., Захарова Н.Е., Захарова А.Е. Символическая мощь эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии. *Новые исследования Тувы*. 2024;(4):348–359. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22>
22. Собакина И.В. Функционирование закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» в поселке Батагай Верхоянского улуса (результаты исследования)

таты работы Летней научной школы «Юные исследователи Верхоянья»). *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2024;2(36):5–40. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-2-5-40>

23. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Данилова Р.А. Языковая ситуация в промышленных районах Республики Саха (Якутия) (на материале полевых исследований 2022–2023 гг.). *Социолингвистика*. 2024;4(20):41–70. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-20-41-70>

24. Василевич Г.М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз. 1948.

25. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П. и др. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций. *Вопросы языкознания*. 2022;(4):7–47. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47>

26. Forker D., Grenoble L.A. Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian. *Language Contact in the Territory of the Former Soviet Union*. Amsterdam: John Benjamins. 2021:259–287 (на англ.).

27. Grenoble L.A. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts. *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*. 2010;(4):147–161 (на англ.).

28. Malchukov A.L. Russian interference in Tungusic languages in an areal-typological perspective. *Studies in Eurolinguistics, vol. Convergence and Divergence of European Languages*. Berlin: Logos Verlag. 2003:235–251 (на англ.).

29. Matras Y., Adamou E. Borrowing. *The Routledge Handbook of Language Contact*. London, New York: Routledge. 2020:237–251. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351109154-17> (на англ.).

30. Urla J., Amorrotub E., Ortega A., Goirigolzarri J. Authenticity and linguistic variety among New Speakers of Basque. *Language Documentation & Conservation. Special Publication No. 9: Language Documentation and Conservation in Europe*. 2016:1–12 (на англ.).

References

1. Bitkeeva AN, Khokholova IS. The resources of ethnicity in the urban identity of Northerners. *Arctic XXI Century*. 2025;(2):32–47. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-32-47> (in Russian).

2. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press. 1988.

3. Kurilova SN. Borrowings in the Yukaghir language: Yakut derivational affix -laa in the speech of the Tundra Yukaghirs. *Arctic XXI Century*. 2025;39(1):32–53. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-32-53> (in Russian).

4. Epps P, Michael L. The areal linguistics of Amazonia. *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017.
5. Matras Y, Sakel J. Introduction. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007.
6. Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007.
7. Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview. *Morphology*. 2020;(3):263–282. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09371-5>
8. Kuteva T. Contact and borrowing. *The Cambridge handbook of historical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107279070.009>
9. Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 2007. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110199192.31>
10. Stolz T. Re: duplication. Iconic vs. counter-iconic principles (and their areal correlates). In: *Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas. Convergencies and typological perspectives*. Amsterdam: John Benjamins. 2007.
11. Elšík V, Matras Y. *Grammatical relations in Romani*. Amsterdam: John Benjamins. 2000.
12. Rudnitskaya EL. *General characteristics of the morphosyntax of the spoken Evenki language at the beginning of the 21st century*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 2019 (in Russian).
13. Grenoble LA. Morphosyntactic change: The impact of Russian on Evenki. *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2000;(28):105–120.
14. Romanova AV, Myreeva AN. *Essays on the Tokkinsky and Tommot dialects*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. 1962 (in Russian).
15. Bulatova NYa. *Dialects of the Evenki of the Amur Region*. Leningrad: Nauka. 1987 (in Russian).
16. Vasilevich GM. *Outline of Evenki (Tungus) grammar*. Leningrad: Uchpedgiz. 1940 (in Russian).
17. Myreeva AN. *Dialectology of the Evenki language: a textbook*. Yakutsk: Offset. 2006 (in Russian).
18. Andreeva TE, Zakharova NE, Kudrina LE et al. *Word-formational dictionary of the Evenki language. Verb*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch of RAS. 2018 (in Russian).
19. Boldyrev BV. *Morphology of the Evenki language*. Novosibirsk: Nauka. 2007 (in Russian).
20. Struchkov KN. Communicative culture of the Evenks of Iengra village in modern conditions. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2018;4(2):91–98. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_91_98 (in Russian).

21. Danilov IA, Zakharova NE, Zakharova AE. The symbolic power of the Evenki language in the context of the sustainability of the ethnic identity of the Evenks of Yakutia. *New Research of Tuva*. 2024;(4):348–359. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22> (in Russian).

22. Sobakina IV. Functioning of the Law “On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)” in Batagai settlement, Verkhoyansky district (results of the Summer Scientific School “Young Researchers of Verkhoyansk”). *Arctic XXI century. Humanitarian sciences*. 2024;2(36):5–40. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-2-5-40> (in Russian).

23. Bitkeeva AN, Khokholova IS, Danilova RA. The language situation in the industrial regions of the Republic of Sakha (Yakutia) (based on field research 2022–2023). *Sociolinguistics*. 2024;4(20):41–70. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-20-41-70> (in Russian).

24. Vasilevich GM. *Essays on the dialects of the Evenki (Tungus) language*. Leningrad: Uchpedgiz. 1948 (in Russian).

25. Kazakevich OA, Budyanskaya EM, Evstigneeva AP et al. Language vitality scales and their applicability to the material of specific language situations. *Voprosy Jazykoznanija*. 2022;(4):7–47. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47> (in Russian).

26. Forker D, Grenoble LA. Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian. *Language Contact in the Territory of the Former Soviet Union*. Amsterdam: John Benjamins. 2021.

27. Grenoble LA. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts. *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*. 2010;(40):147–161.

28. Malchukov AL. Russian interference in Tungusic languages in an areal-typological perspective. *Studies in Eurolinguistics. Vol. Convergence and Divergence of European Languages*. Berlin: Logos Verlag. 2003.

29. Matras Y, Adamou E. Borrowing. *The Routledge Handbook of Language Contact*. London, New York: Routledge. 2020. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351109154-17>

30. Urla J, Amorrortu E, Ortega A, Goirigolzarri J. Authenticity and linguistic variety among New Speakers of Basque. *Language Documentation & Conservation*. Special Publication No. 9: *Language Documentation and Conservation in Europe*. 2016:1–12.

Об авторах

ГРЕНОБЛЬ А. Ленора – Ph.D. (славянское языкознание), заслуженный профессор имени Джона Мэтьюза Мэнли, Чикагский университет, Чикаго, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8810-7395>, WoS ResearcherID: H-5469-2017, Scopus Author ID: 6506649857, Elibrary AuthorID: 1258891, SPIN 3405-6850, e-mail: grenoble@uchicago.edu

ИГНАТЕНКО Ляридо Андреевна – магистрант, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-4734>, WoS ResearcherID: GRO-5265-2022, Elibrary AuthorID: 1218897, SPIN: 4573-5262, e-mail: lyaridoign@yandex.ru

About the authors

Lenore GRENOBLE – Ph.D. (Slavic Linguistics), John Matthews Manly Distinguished Service Professor, University of Chicago, Chicago, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8810-7395>, WoS ResearcherID: H-5469-2017, Scopus Author ID: 6506649857, SPIN 3405-6850, e-mail: grenoble@uchicago.edu

Lyarido A. IGNATENKO – Master's student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-4734>, WoS ResearcherID: GRO-5265-2022, SPIN: 4573-5262, e-mail: lyaridoign@yandex.ru

Вклад авторов

Гренобль Л. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, проведение статистического анализа, администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Игнатенко Л.А. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Authors' contribution

Grenoble L. – conceptualization, methodology, validation, investigation, formal analysis, data curation, writing – review & editing, supervision, project administration

Ignatenko L.A. – conceptualization, methodology, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing

Конфликт интересов

Один из авторов Гренобль Л. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

One of the authors Grenoble L. is a member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 29.10.2025

Поступила после рецензирования/Revised 28.11.2025

Принята к публикации / Accepted 12.12.2025